

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СИБИРИ

УДК 809.41/.43; 809.44/.45

О.С. Потанина, А.Ю. Фильченко

ПОСЛЕЛОГИ В ВОСТОЧНЫХ ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Томский государственный педагогический университет

1. Введение

Целью данной статьи является исследование сферы пространственных релятивных имен в восточных диалектах хантыйского языка и понятий, для выражения которых они служат. Хантыйский язык является языком агглютинативного типа SOV, и домен базовых топологических отношений представлен послелогом, которые более или менее эквивалентны предлогам в английском языке. В представленной работе предпринята попытка анализа послелогов в восточных диалектах хантыйского языка в рамках теории грамматикализации. Таким образом, исследование выполнено на основе положения об эволюции послелогов из более ранних лексических форм и включает этимологический анализ и объяснение изменений в языке через семантику и когнитивную характеристику лексических единиц. Синхронный анализ в рамках теории грамматикализации позволяет выработать принцип, в соответствии с которым могут быть детализированы подкатегории рассматриваемой грамматической категории [1, с. 303].

Под послелогом понимаются функциональные слова, которые устанавливают отношение между двумя объектами (сущностями), выраженными существительными или именными фразами, и указывают на функцию именной фразы в предложении.

В восточных диалектах хантыйского языка имеется открытый класс лексических единиц, которые могут быть выделены в отдельную лексическую категорию. Помимо богатой падежной системы, для выражения пространственных отношений восточные диалекты хантыйского языка продуктивно используют обширную, вероятно открытую группу имен, которые могут послужить интересной иллюстрацией и эмпирической базой для рассмотрения процессов грамматикализации. Под грамматикализацией понимается динамичный, однонаправленный исторический процесс, при котором лексические единицы теряют семантическую сложность, прагматическую значимость, синтаксическую свободу и фонетическую субстанцию [2, с. 15] и при-

обретают статус грамматической, морфосинтаксической формы и начинают кодировать отношения, которые не кодировались раньше либо кодировались другими средствами [3].

Эта группа лексических единиц может быть противопоставлена собственно именам существительным и традиционно обозначается термином «послелог» [4, 5]. В данной группе лексических единиц можно выделить два подтипа: (i) этимологически непрозрачные на синхронном уровне единицы и (ii) единицы, именное происхождение которых в достаточной мере очевидно и именно они будут использованы для иллюстрации процесса грамматикализации (делексикализации).

2. Этимологически непрозрачные собственно послелогии

Первый подтип представляет собой закрытый класс, в который входит ограниченное число единиц, образовавшихся от существительных. Данные единицы полностью делексикализованы и используются исключительно как послелогии для выражения пространственных отношений:

– *motʃə* и *wəlakə* – с семантикой ориентира, метки, меры «до, по»: (1)–(2).

– *sayi(t)* – со значением «манера, образ, способ»: (3)–(5).

– *səpi* – со значением «через»: (6).

– *mərə* – послелог темпоральной семантики: (7).

– *muɣti* – с семантикой ориентира, относительно которого происходит движение: (8).

– *pətəpə* – с семантикой лица/цели, ради которого происходит событие: (9).

Отличительной чертой этимологически непрозрачных, собственно послелогов от послеложных имен является то, что в отличие от послеложного употребления существительных собственно послелогии не маркируются показателями никаких словоизменительных категорий имени. Данная черта может быть использована в качестве одного из классификационных признаков. Разумеется, дискретная категориальная классификация в данном случае не представляется возможной ввиду вполне предска-

- (1) *ajqu-nə nərəkəl-mönkäm os joyim-i*
 мальчик-Лок змея снова ударить-Пасс.3ед
əntw-əl motʃə məʊ uja məni-ʏən
 талия-Прит.3Ед Пслг земля под идти-Прош0.3Ед
 «Юноша змея опять ударил, тот **по** пояс в землю ушел» [4, с. 74].
- (2) *qunto qat töyö-nə i-m-əl rätʃ uwəytətə qa töyöt*
 когда дом огонь-Лок есть-ПС-3Ед старик видеть-Прош0.-3Ед дом огонь
i-m-əl-oy tʃ'u jaʊ entəw wəlakə məʊ-ä il-mən-t
 есть-ПС-3Ед-Абл Указ люди талия Пслг земля-Лат низ-идти-Прош0.3Мн
 «Когда дом сгорел, старик увидел, что пока дом горел те люди **по** пояс ушли под землю».
- (3) *rut' sayi jalt-a*
 русский Пслг сказать-Пов.2Ед
 «Скажи это **по**-русски».
- (4) *juʊ loq-əl sayi mən-s-əm*
 3sg след-3Ед Пслг идти-Прош2-1Ед
 «Я шел **по** его следу».
- (5) *mä nin sayit-ən wer-s-im*
 1Ед 2Дв Пслг-Прит.2Ед делать-Прош2-1Ед
 «Я сделал это **по**-вашему» [5].
- (6) *küm/loq səpi mən-əs*
 улица/дорога Пслг идти-Прош2.3Ед
 «Он перешел **через** улицу».
- (7) *tü qotl merə kolpə ənt at-wəl*
 Указ день Пслг слово Отр сказать-Наст.3Ед
 «**За** весь день она не сказала ни слова» [4].
- (8) *os korliki-j-oy muyti kör-ə mən-tä mas-wəl*
 снова Корлики-Соед-Абл через нога-Инстр/Объ идти-Инф нуждаться-Наст.3Ед
 «Нужно идти пешком **через** Корлики» [4].
- (9) *müyüli pətənə*
 что Пслг
 «**За** что?» [4].
- (10) *joʊən qoyat airit-na mən-l-əm*
 река Пслг лодка-Инстр/Совм идти-Наст-1Ед
 «Я еду на лодке **по** реке»
- (11) *miŋ qat qut'na ju-s-əw*
 1Мн дом Пслг приходит-Прош2-1Мн
 «Мы пришли **обратно** домой»

зуюемого существования примеров, занимающих промежуточное положение:

– *qoyat* – со значением протяженности в пространстве «вдоль»: (10).

Можно предположить, что этимология этого послелога восходит к имени существительному *qoy* «длина», также встречающегося в функции именного определения «длинный» с относительным суффиксом /-(a/ə)t/;

– *qut'na* – с семантикой исходной точки, «дома», в направлении которого осуществляется движение: (11).

Происхождение этого послелога, возможно, восходит к существительному *qot/qut* «дом», маркированному локативным падежом, что функционально и этимологически сближает его с послеложным употреблением синонима *joy* «дом».

3. Послеложное употребление имен

В языке восточных ханты имеется класс имен существительных со значением, указывающим на ориентацию объектов в пространстве, которые в большинстве случаев происходят от соматических терминов. Эта группа представляет собой частотные в послеложном употреблении существительные, общая и абстрактная семантика которых приближает их к относительным морфемам пространственной семантики. На синхронном уровне ряд характеристик этих послеложных имен свидетельствует об их принадлежности к прототипически именному семантико-функциональному классу, т.е. данные послеложные имена:

- являются свободными полнозначными лексическими единицами;
- часто имеют деривационную и словоизменительную морфологию;
- являются ударными в предложении;
- выступают в грамматических ролях, типичных для класса имен существительных: подлежащего, прямого дополнения, косвенного дополнения, именного сказуемого, демонстрирующих соответствующие именным грамматические категории, такие как падеж, число и притяжательность;
- обладают семантическими чертами, свойственными большинству имен существительных: конкретность и относительная темпоральная и пространственная стабильность значения.

Однако одновременно в ряде примеров данные существительные часто демонстрируют типичные характеристики функциональных, грамматических единиц, т.е.:

- имеют фиксированную синтаксическую позицию либо связаны грамматически;
- обычно безударны в предложении либо образуют единый интонационный контур с предшествующим именем;
- не имеют деривационной и словоизменительной морфологии, кроме окказионального употребления местных падежей и посессивных маркеров;
- имеют релятивную (чаще пространственную), более абстрактную семантику по сравнению с соответствующим именем, обладающим конкретностью и пространственно-темпоральной стабильностью.

Приведем примеры наиболее продуктивных послеложных имен, которые выполняют функцию реляционных грамматических морфем, контрастирующих с их употреблением как полнозначные существительные:

- *qas-*, *säj-* с семантикой «сзади, зад», способные употребляться с пространственными падежными флексиями: Иллат/Дат *qasa* / *säjä* «назад, за» и Лок *qasəṇə* / *säjṇə* «сзади, за»: (12).

Корень *qas* имеет лексическое значение «преграда, закрывающая вид», из которого развилось более абстрактное значение «место сзади, загороженный чем-либо вид». Подобным же образом, корень *saj* имеет почти идентичное значение «преграда, завеса, скрытое пространство» (являясь концептуальным ядром таких когнатов, как: *säjwəl qulkäntšä* «рыбачить сетью»; *säjən welə* «отгороженное место для сна»), которое приобрело пространственную семантику и является синонимичным *qas* «место за чем-либо»: (13).

Несколько послелогов образованы от соматических лексических единиц, концептуальное содержание которых расширяется до выражения пространственных отношений: (14) сравнить с: (15), (16) сравнить с: (17).

Конструкции, в которых соматическая лексическая единица, маркированная локативным падежом, образует сложные послелогии, довольно распространены в восточных диалектах хантыйского языка:

– *tföntš-*, *pirt-*, *potš⁻¹* со сходной семантикой «сзади, зад» также являются частотным средством выражения как пространственных, так и темпоральных отношений и оформляются падежами с пространственным значением: Иллат/Дат: *tföntšä* / *potša* / *pirta* «сзади» и Лок: *tfönnə* / *pirnə* / *potšṇə* «сзади, после». Корень этих имен имеет прямое лексическое значение «зад, спина» и иллюстрирует типологически распространенное явление метафорического переосмысления основного соматического значения в пространственное, используемое для выражения темпоральных отношений: (18) сравнить с: (19)–(20).

Два последних примера свидетельствуют о том, что рассматриваемый послелог способен следовать не только за собственно существительным, но за любой номинативной единицей или именной фразой: указательным местоимением, абстрактным существительным, номинализацией и нефинитным оборотом. Примеры выше также демонстрируют тот факт, что в послеложном употреблении *pirt* чаще всего имеет темпоральную семантику, однако в случаях привербального употребления в качестве наречного модификатора выражает пространственные отношения:

– *sil-* / *ponəl-* / *potoṇ-* с семантикой «близость», также употребляемые в падежных формах: Лок *silṇə* / *potoṇṇə* «рядом, поблизости». Основа *sil* имеет типичное значение «сторона, внешняя поверхность», от которой происходит расширение значения – «рядом с, поблизости к»: (21)

Послелогии *poṇəl* и *potoṇ* с синонимичным значением имеют аналогичную этимологическую мо-

¹ Юганский диалект

- (12) оүрi **qas-a** jola-үән
дверь Пслг-Иллат стоять-Прош0.3Ед.
«Она стояла **за** дверью»
- (13) жуу **säj-nә** kәn'imta-үән
дерево Пслг-Лок прятаться-Прош0.3Ед
«Она прячется **за** деревом»
- (14) qat **tjö-nә** amәs-l-ән
дом Пслг-Лок сидеть-Наст-2Ед
«Ты сидишь **за** домом»
- (15) mä **tjöntf-әм** qәtfә-qi iki
1Ед спина-Прит.1Ед болеть-Пред Пред
«У меня болит **спина**»
- (16) ämp qot **potf-nә** omәs-ı
собака дом Пслг-Лок сидеть-Наст.3Ед
«Собака сидит **за** домом»
- (17) mä **potf-әм** qötjö-qi
1Ед. спина-Прит.1Ед болеть-Пред
«У меня болит **спина**»
- (18) köt-äm **pirt-a** nirimtä-s-im i nayimta-s-im
рука-Прит.1Ед Пслг-Иллат тянуть-Прош2-1Ед/Ед и ругаться-Прош2-1Ед
«Я потянул руку **назад** и выругался»
- (19) ämp-äli әj pelk-ä i **pır-ka** men-әs
собака-Димин один сторона-Иллат и Пслг-Трансл идти-Прош2.3Ед
«Собачка отскочила и **назад** убежала»
- (20) jöy mән-m-äl **pır-nә** mä atf-im jö-s
3Ед идти-ПСВ-Прит.3Ед Пслг-Лок 1Ед брат-Прит.1Ед приходить-Прош2.3Ед
«**После** того как он ушел, мой старший брат пришел» [5].
- (21) imi tfoyal **sil-nә** sapoq-qән käs-wäl
старуха печь Пслг-Лок сапог-Дв искать-Наст.3Ед
«Старуха ищет сапоги **за** печкой» [4].
- (22) ni-nә säyi put loq **poql-a** räkät-i
женщина-Лок глина горшок дорога Пслг-Лат ронять-Пасс/Прош0/3Ед
«Женщина уронила глиняный горшок **у** дороги»
- (23) mä **poql-әм** qәtfә-qi
1Ед бок-Прит.1Ед болеть-Пред
«У меня **бок** болит»
- (24) ämp qot **potoq-nә** omәs-ı
собака дом Пслг-Лок сидеть-Наст.3Ед
«Собака сидит **у** (сбоку) дома»
- (25) mä **potoq-әм** qötjö-qi
1Ед бок-Прит.1Ед болеть-Пред
«У меня **бок** болит»

дель: изначально являясь соматическими существительными, обозначающими части тела человека или животного, в своем метафорически расширенном значении они употребляются в постпозиции именным фразам для выражения пространственных отношений: (22) сравнить с: (23). (24) сравнить с: (25).

– *əlnəŋ-, oytī-* с семантикой «пространство над, наверху»: (26) сравнить с: (27).

Основа *əl* имеет значение «тело», и образованное от него *əlnəŋ* имеет основное значение «поверхность, верх» («тело»+суффикс обладания качеством /-əŋ/).

Другим послелогом, входящим в это же функционально-семантическое поле, является существительное *oу* с первичным значением «голова» (человека или животного), которое в расширенном метафорическом значении «над, наверху» употребляется для выражения пространственных отношений: (28)–(29).

В примере (29) *oу* является вершиной именной фразы, маркированной лично-притяжательным

суффиксом, и употребляется в своем первичном значении «голова»;

– *köt-* с семантикой «промежуток, интервал, место между» и часто появляется в форме Иллат/Дат *kötä* «к месту между чем-л.»; Лок *kötñä* «между чем-л.»; и Пролат *kötöу* «от места между чем-либо»: (30).

Данные послелогои могут указывать, что два объекта могут как двигаться по отношению к друг другу, так и быть нейтральными по отношению к движению;

– *uj-* / *pittä*¹ с общим значением «пространство под, внизу» с соответствующими падежными формами Иллат/Дат *uja* «к пространству под чем-л.»; Локатива *ujñä* «под чем-л.»; Пролат *ujöу* «из под чего-л.»: (31) сравнить с: (32), (33);

– *ont-* / *tiypi*¹ с общим значением «пространство внутри чего-л.» с соответствующими падежными формами: Иллат/Дат *onta* «к пространству внутри»; Лок *ontñä* «внутри»; и Пролат *ontöу* «от пространства внутри»: (34) сравнить с: (35).

- (26) *püt-k-äli* *joуəŋ* ***əlnəŋ-nə*** *aməs-wəl*
птица-Димин река Пслг-Лок сидеть-Наст.3Ед
«Птичка сидит **на** реке»
- (27) *mä* ***əl-əm*** *qətʃä-qī*
1ед тело-Прит.1ед болеть-Пред
«Мое **тело** болит»
- (28) *ämp* *qot* ***oyti-nə*** *aməs-wəl*
dog house Pstp-Loc sit-Prst.3Sg
«Собака сидит **на** крыше дома»
- (29) *mä* ***oу-əm*** *qətʃä-qī*
1Ед голова-Прит.1Ед болеть-Пред
«У меня болит **голова**»
- (30) *tʃü* *ällä* *juу* *joу-əŋ* ***köt-öу*** *mən-wəl*
Указ большой дерево корень-Лок Пслг-Абл идти-Наст.3Ед
«Он ходит **между** корней дерева»
- (31) *əŋq-al* *jəŋq* ***uj-oу*** *nuу* *wiyla-yəŋ*
мать-Прит.3Ед вода Пслг-Аллат вверх идти-Прош.3Ед
«Его мать вышла **из-под** воды»
- (32) *mä* ***uj-əl*** *joуo-s-im*
1Ед зад-Прит.3Ед стрелять-Прош2-1Ед/Ед
«Я выстрелил ему в **зад**»
- (33) *ämp* *qot* ***pittä-nə***
собака дом Пслг-Лок.
«Собака **под** домом»

¹ Юганский диалект

- (34) ämp qot tiyri-j-a taɟa-ɬ
собака дом Пслг-Соед-Иллат входить-Наст.3Ед
«Собака входит **в** дом»
- (35) mä ont-əm/sol-əm qətʃə-qi
1Ед внутри-Прит.1Ед боль-Пред
«Мое **нутро/кишки** болит»
- (36) rit iɟri-nə ims-i
лодка Пслг-Лок сидеть-Пов.2Ед
«Сядь **перед** лодкой»
- (37) ämp qot tempin-nə oməs-ɬ
собака дом Пслг-Лок. сидеть-Наст.3Ед.
«Собака сидит **перед** домом»
- (38) tayi jor əʃə-ki iki
место гора большой-Пред Пред
«**Та** гора высокая»
- (39) wal-m-il tayə-j-a jö-γəs-ə
быть-ПСВ-3Мн место-Соед-Алл приходить-Прош1-3Мн
«Они пришли к месту проживания»
- (40) jol-t-al tayi-j-oy löγ-əs osəw-a at-wəl
шаманить-ПНВ-3Ед Ном-Абл кончить-Прош2.3Ед Осип-Иллат сказать-Наст.3Ед
«Он перестал шаманить и сказал Осипу» (досл. «шаманящее **место** он кончил»)
- (41) mä il-alintə-l-əm iy-nə män-t
1Ед низ-лежать-Наст-1Ед медведь-Лок 1Ед-Акк
nuγ-li-tə tayi əntə wu-ta-m-a
вверх-есть-ПНВ Ном Отр видетьь-ПНВ-Прит.1Ед-Иллат
«Я лег, чтобы не видеть, как медведь меня разрывает» (досл. «разрывающее меня **место**») [5].
- (42) məŋ pütək-äl'i lulpani-tə täyi koləntə-γal-oy
1Мн. птица-Димин. петь-ПНВ Ном. слушать-Прош.-1Мн.
«Мы слушали пение птиц» (досл. «мы слушали поющее **место** птиц») [5].
- (43) lopəl-tə jə-min täyi
удить-ПНВ становится-Деепр Ном.
«Рыбалка» (досл. «становящееся рыбающим **место**»)
- (44) iy ämp tföntʃ-nə tək kəs-əs
медведь собака Пслг-Лок здесь бежать-Прош2.3Ед
«Медведь бежал за собакой»
- (45) jöγ möyl-əl-nə läl' jaγ jal'-wəl-t
3Ед Пслг-Прит.3Ед-Лок армия люди стоять-Наст-3Мн
«Солдаты стоят рядом с ней»

– *iɟri-* / *tempin*¹ со значением «пространство перед» с соответствующими падежными формами: Иллат/Дат *iɟrija* «к пространству перед»; Лок *iɟrina* «перед»: (36)–(37).

– *tayi-* с наиболее общей, абстрактной семантикой, ставшей результатом метафорического переосмысления первоначальной именной семантики, которую можно определить как «область, обычно со-

¹ Юганский диалект

относимую с референтом», употребляется в соответствующих падежных формах: Иллат/Дат *tayija* «к месту»; Лок *tayina* «в месте»: (38)–(43).

Примеры (38)–(43) представляют собой типичные случаи употребления лексической единицы *tayi*. Ранние грамматики [5] определяли *tayi* как послелог, а именно как существительное, выполняющее функцию послелога с существительными и нефинитными глагольными формами. Нам этот термин кажется не вполне точным. Рассмотренные выше примеры не позволяют однозначно считать существительное *tayi* послелогом, поскольку оно не следует за существительным. Данное существительное действительно изначально употреблялось и продолжает встречаться в постпозиции для описания динамичных и нединамичных ситуаций. Сейчас же эта единица функционирует как номинализатор, находящийся в процессе грамматикализации, который маркирует темпоральные ситуации. Примеры (38), (39) демонстрируют первоначальное значение *tayi* «место», тогда как примеры номинализации, причастные обороты (40)–(43) – представляют собой употребление грамматикализованного существительного *tayi* с более абстрактным метафоричным значением. Таким образом, в примерах (40)–(43) *tayi* не имеет пространственной семантики, а, скорее, просто указывает на чувственно воспринимаемый объект, выраженный сказуемым (*видеть, слушать*). В зависимости от конструкции, в которой употребляется единица *tayi*, ее синтаксический статус может быть определен как существительное либо номинализатор темпоральной семантики. Все же вопрос о статусе данной лексической единицы остается открытым благодаря возможности падежного оформления ее как номинализатора, что может свидетельствовать в пользу именного анализа *tayi*.

Класс существительных с локативным значением занимает промежуточное положение между существительными и послелогом. С одной стороны, они сохранили некоторые именные словоизменительные характеристики, например падежные флексии. С другой стороны, эти постпозиционные конструкции налагают определенные ограничения на дистрибутивные возможности имен. Они функционируют как послелогом, и объект этих послелогов находится в препозиции и является немаркированным. За ним следует существительное с локативным значением, которое может быть оформлено пространственным падежным маркером и/или лично-притяжательным показателем.

В зависимости от семантического-прагматических свойств вершины послеложной конструкции она может выступать в роли *контролирующего субъекта* (controller person), способного влиять на согласование, появляющееся на послеложной форме,

которое не является облигаторным в восточных диалектах хантыйского языка, но мотивируемое прагматически. Далее в данном исследовании такие семанτικο-прагматические свойства понимаются как «тем или иным образом присущие контролирующему субъекту или относящиеся дискурсивной значимости (discourse saliency)» [6, с. 148].

Ссылка на (44), (45).

В примерах, подобных (45), появление личного согласования не зависит от семантики послелога, но от семанτικο-прагматических свойств единицы, на которую этот послелог ориентирован (в (45) – это личное местоимение Зед *jöy*). Подобные явления в области согласования послелогов в восточных диалектах хантыйского языка вполне вписываются в типологическую иерархию топикальности. Согласно А. Северска, «в именной подиерархии личное согласование с местоимением предпочтительнее, чем с существительным» [6, с. 149].

4. Заключение

Процесс образования грамматических форм из ранее полнозначных лексических единиц является типологически универсальным явлением в языках мира. В частности, наречия и послелогом обычно развиваются из номенклатуры частей тела. Большинство примеров из материала восточных диалектов хантыйского языка свидетельствуют о том, что пространственные послелогом развились из соматической лексики. Следовательно, метафорический перенос от тела к объекту и далее к пространственным отношениям является хорошо засвидетельствованным когнитивным поведением говорящего (рис. 1).

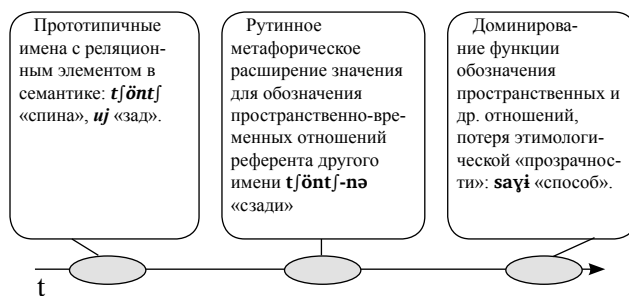

Рис. 1. Грамматикализация восточно-хантыйских послелогов

Два условно выделяемых класса послелогов, рассмотренных в работе, демонстрируют широко распространенный процесс, при котором имена конкретной семантики (названия частей тела) подвергаются в разной степени метафоризации значения, тем самым расширяя свою функционально-семантическую сферу. В процессе развития таких значений, как следует из примеров послелогов первого типа, эти существительные подвергаются значительной делексистализации и становятся этимологически не-

прозрачными для носителей языка, постепенно закрепляясь в функции постпозициональной грамматической морфемы реляционной семантики.

На шкале грамматикализации маркеров именных падежных ролей (nominal case role markers) [1] вторая группа послелогов в восточно-хантыйских диалектах, рассмотренная в данной статье, представляет собой группу имен существительных рутинно употребляемых с реляционной семантикой. Обозначающие части пространства и простран-

венные отношения и занимающие самую нижнюю (наименее грамматикализованную) ступень в восточно-хантыйской системе маркеров именных падежных ролей. Послелоги первой рассмотренной нами группы, по К. Леману (1985), являются второстепенными послелогоми – морфологически сложными и менее прозрачными – принадлежащими следующей (более грамматикализованной) ступени на шкале [1, с. 304].

Поступила в редакцию 26.10.2006

Литература

1. Lehmann Ch. 1985. Grammaticalization: Synchronic Variation and Diachronic Change // *Lingua e Stile* 20.3: 303-318.
2. Heine B., Reh M. Grammaticalization and reanalysis in african languages. 1984.
3. Givon T. On understanding grammar. 1979.
4. Терешкин Н.И. 1961. Очерки диалектов хантыйского языка. Изд-во Академии наук СССР.
5. Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1966.
6. Siewierska A. Person. Cambridge University Press. 2004.

УДК 809.41/43; 809.44/45

А.В. Байдак

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КЕТСКИХ САМОЕДОВ ПО ЭКСПЕДИЦИОННЫМ МАТЕРИАЛАМ К. ДОННЕРА

Томский политехнический университет

Одними из главных научных направлений факультета иностранных языков уже на протяжении нескольких десятков лет остаются изучение языков и культуры малочисленных народов Сибири, полная документация этих языков, их исследование, разработка теоретических положений, создание учебников и учебных пособий, словарей. Начало этой деятельности было положено лауреатом Государственной премии СССР, профессором А.П. Дульзоном и его учениками. В 1947 г. им был разработан план комплексного подхода к проблеме происхождения аборигенов Сибири и их языков. В результате ежегодных экспедиционных выездов был собран значительный фонд материалов по языкам и культуре кетов, селькупов, хантов, нганасан, энцов, чулымских тюрков.

Однако сегодня уже стала расхожей фраза о том, что языки вымирают быстрее, чем лингвисты успевают их описать. Исчезновение языков, древних самобытных культур значительно обедняет все человечество.

Процессы ассимиляции селькупского населения, происходящие на протяжении нескольких сот лет со времен освоения русскими территорий их расселения и ставшие наиболее активными в двадцатом веке, привели к ситуации «...растворения эт-

носа в иноэтнической среде, расплзания ткани селькупской культуры» [1, с. 253]. При таком «интенсивно исчезающем» состоянии этноса особое значение приобретает обращение к ранним экспедиционным материалам, собранным в XIX – начале XX вв., когда селькупская культура еще не утратила своего этнического колорита. К плеяде ученых этого периода относится Карл (Кай) Райнгольд Доннер (1888–1935) – известный финский лингвист, этнограф, исследователь многих языков и культур народов Сибири, прежде всего южных и восточных самодийцев – южных селькупов, камасинцев, энцев, нганасан. К. Доннер путешествовал по Сибири в 1911–1913 гг. и в 1914 г., в 1915 г. он опубликовал свои подробные описания на финском и шведском языках, позднее вышли немецкое и английское издание под названием «У самоедов в Сибири» [2, с. 421]. Отсутствие до сих пор публикации этой работы на русском языке, на мой взгляд, значительно снижает круг отечественных исследователей, использующих важнейший письменный научный источник по этнографии народов Сибири. Отдельную главу в своей книге К. Доннер посвятил духовной культуре кетских самоедов – селькупов, живущих на Кети и ее притоках [3, с. 95–119]. Данная статья базируется на экспедиционных наблюде-